

На следующее утро Цин Янь вдруг вспомнил, что забыл положить А-Мяо обратно на теплую лежанку. Встревоженный, он поспешно спустился, чтобы проверить, как он там. Оказалось, что маленькая полосатая кошечка уютно устроилась между передними лапами Эр Си, и мирно спала.

С самого утра пошел снег — крупные хлопья кружились в воздухе. Цин Янь приоткрыл дверь, подставил ладонь и поймал снежинку. Едва успел разглядеть ее шестигранную форму, как она растаяла, превратившись в маленькую лужицу воды.

Тут за его спиной протянулась чья-то рука. Этот кто-то поймал на ладонь снежинку и держал ее дольше. Затем рука вернулась, и перед глазами Цин Яня оказалась снежинка, на этот раз четко видимая, с изящной и захватывающей красотой, которая вызывала восхищение.

Однако и эти снежинки вскоре растаяли. Рука отдернулась, а из-за спины послышался голос:

— Лапша готова. Давай поедим.

Цин Янь закрыл дверь, повернулся и обвинил шею говорившего, капризно заявив:

— Хочу, чтобы меня несли.

Цю Хэнянь, с мягкой улыбкой на губах, наклонился, поднял его на руки и понес обратно к теплой лежанке, где аккуратно уложил.

Они сидели за низким столиком на лежанке и ели. Тепло струилось от подогретого места, где они сидели. А-Мяо с аппетитом уплетал свою порцию кошачьего корма неподалеку. Эр Си, закончив свою миску, терпеливо сидел у края лежанки, заглядывая в глаза Цин Яню, в надежде, что тот кинет ему лапшу.

Когда завтрак был завершен, каждый выпил по чашке чая, чтобы освежить рот. Немного отдохнув, они решили отправиться кататься на санках.

Вся одежда, включая ватники, обувь и носки, была заранее прогрета на теплой лежанке, поэтому надевать ее было особенно приятно.

А-Мяо, будучи совсем маленьким, остался дома. Эр Си, прежде чем уйти, несколько раз обошел его кругами, явно не желая оставлять котенка одного.

Они нашли подходящий снежный склон в двухстах метрах от домика. Наклон был умеренным, длина — подходящей, а вокруг было просторно и мало деревьев.

Цю Хэнянь первым проверил склон, прокатившись два раза. Цин Янь с волнением потирал

руки, ожидая своей очереди.

Когда пришла его очередь, он уселся на сани. Цю Хэнянь закрепил сани и спросил:

— Готов?

Цин Янь энергично кивнул, и мужчина сзади слегка подтолкнул его. Сани стремительно покатались вниз.

Перед глазами раскинулся белоснежный простор, вдали виднелись высокие деревья. Ледяной ветер обжигал лицо, заставляя нос покраснеть, а снежинки оседали на ресницах. Скорость нарастала, и Цин Янь почувствовал одновременно страх и азарт. Он закричал, но в тот же момент начал смеяться.

Они катались по очереди, даже Эр Си несколько раз прокатился с ними. Уши пса трепетали на ветру, словно маленькие флажки.

Такое постоянное катание вверх и вниз оказалось утомительным, и когда голод начал напоминать о себе, они решили возвращаться домой. Дорога обратно была недолгой, и уставший Цин Янь уселся с Эр Си на санки, позволяя Цю Хэняню тянуть их за веревку.

Дома Цю Хэнянь занялся приготовлением тушеного риса, а Цин Янь — жаркой овощей. В суповую кастрюлю бросили кусок мясной кости, чтобы побаловать Эр Си и А-Мяо праздничным обедом. После обеда, наевшись досыта, они немного вздремнули.

Проснувшись, Цин Янь вытащил столик на лежанку и достал из багажа самодельную колоду карт. Каждую карту он аккуратно вырезал из исписанных листов бумаги, которые оставались от его тренировок в каллиграфии, и клеил их, наклеив сверху слой качественной бумаги. На лицевой стороне карт были нарисованы масти и символы, которые он рисовал сам.

Усаживаясь по разные стороны стола, Цин Янь объяснил Цю Хэняню названия мастей и правила игры в «повышение ставки». Цю Хэнянь, раскладывая карты, с улыбкой произнес:

— Я только учусь, так что прошу господина Цин Яня проявить снисходительность.

Цин Янь, напустив на себя важный вид, махнул рукой:

— Не переживай, я буду тебя щадить!

Чтобы сделать игру интереснее, решили ввести правило: проигравший пьет стакан воды. Цю Хэнянь согласился, и они начали.

Поначалу Цю Хэнянь действительно проигрывал, пока разбирался с правилами, выпив пару стаканов воды. Но вскоре баланс сил резко изменился, и Цин Янь начал проигрывать раз за разом. Он выпил столько воды, что внутри уже чувствовалось журчание.

Сгорая от стыда, Цин Янь попытался выкрутиться. Цю Хэнянь предложил прерваться, но Цин Янь, раздраженный неудачами, хлопнул по столу и заявил:

— Если воду пить больше не могу, значит, будем снимать одежду. Проиграешь — снимай одну вещь.

Цю Хэнянь, видя его настойчивость, согласился.

Игра продолжилась. Один за другим слои одежды Цин Яня оказывались на полу. Когда он остался практически раздетым, Цю Хэнянь поднял глаза и внимательно посмотрел на него. Затем спокойно встал, поправил одеяло на лежанке и, убедившись, что А-Мяо спит вместе с Эр Си в углу, вернулся к столу. Его взгляд оставался сосредоточенным, а движения — неторопливыми.

Цин Янь упорно продолжал бороться, надеясь вернуть себе несколько выигранных партий. И ему это удалось: он выиграл две или три партии подряд.

Однако его радость вскоре омрачилась. Подозрение закралось, когда он увидел, как Цю Хэнянь убирает стол, раскладывает на подстилке свою верхнюю одежду, а из-под подушки достает черный браслет.

Цин Янь легонько уперся руками в грудь Цю Хэняня, а его лицо покрылось ярким румянцем. Он смущенно пробормотал:

— Д-день еще на дворе... Н-нельзя.

Его стеснение читалось в каждом движении, словно он боялся даже собственной тени. Цю Хэнянь не стал его уговаривать, лишь склонился и мягко поцеловал его губы. Постепенно сопротивляющиеся руки Цин Яня ослабли, скользнули на шею Цю Хэняня и обняли его крепкие плечи.

Через некоторое время Цин Янь снова заворчал, его голос дрожал:

— Нельзя... я слишком много воды выпил, живот весь булькает.

Голос Цю Хэняня стал хриплым, он спокойно ответил:

— Ничего, я не слышу.

Спустя еще немного времени Цин Янь снова с недовольством пробормотал:

— Колени болят, лежанка слишком твердая.

Цю Хэнянь тяжело выдохнул, стараясь сохранить спокойствие, и сменил положение Цин Яня. В этот момент его живот вновь громко забулькал, звук раздался особенно отчетливо. Цю Хэнянь не выдержал и рассмеялся. Атмосфера в комнате сразу сменилась на менее напряженную.

Цин Янь, покраснев, тут же попытался встать и слезть с лежанки, но крепкие руки обхватили его за талию и мягко вернули назад. В тот момент, когда он сел обратно, его голова откинулась, обнажая длинную, белоснежную шею, и, едва сдерживая эмоции, он невольно издал слабый стон.

После этого никто больше не обращал внимания на звуки воды в животе. Все остальное отошло на второй план.

Пока не стемнело красное пятно на животе Цин Яня так и не побледнело.

На ужин Цю Хэнянь сам приготовил еду. У Цин Яня почти не было аппетита, поэтому он сварил простую кашу из двух видов риса, нарезал тонкими полосками свинину и обжарил ее с квашеной капустой. Обычно Цин Янь не любил такую кислую капусту, но, если ее вымочить в воде, чтобы убрать лишнюю кислоту, и обжарить с мясом, блюдо становилось вполне приятным на вкус, особенно когда аппетит слаб.

Цин Янь ел, не вылезая из-под теплого одеяла, принимая еду прямо с ложки, которую держал Цю Хэнянь. После еды он прополоскал рот и вытер лицо прямо на лежанке.

Когда все было убрано, Цю Хэнянь вымыл руки, вернулся к лежанке и устроился рядом. Он взял книгу и начал читать Цин Яню вслух.

Через некоторое время он вдруг замолчал. Цин Янь поднял голову, удивленно посмотрел на него:

— Почему остановился?

Цю Хэнянь пристально смотрел на него, его взгляд был глубоким и немного тревожным. Несколько мгновений он просто молчал, а затем поднялся с лежанки, чтобы снова поправить покрывало.

Цин Янь увидел, как Цю Хэнянь вернулся в комнату, и тут же пожалел, что из-за лени остался

в постели, так и не удосужившись надеть одежду.

Когда Цю Хэнянь подошел, все протесты Цин Яня исчезли. Его мягко вытащили из-под одеяла, а он, стыдливо хныкая, позволял делать с собой все, что угодно.

Прошло неизвестно сколько времени, но, когда Цин Янь начал активно вырываться, он закричал:

— Простыня испачкается!

Кое-кто встал, нацепил обувь и зашуршал, будто что-то отодвигая.

Вскоре после этого Цин Янь начал плакать. И его тихие всхлипывания продолжались до глубокой ночи.

На следующий день Цин Янь лежал один в постели, завернувшись в одеяло. Цю Хэнянь покормил его, убедился, что тот в порядке, и вышел на охоту, оставив дом запертым.

Эр Си остался охранять комнату, а еда сохранялась теплой в печи, которая была надежно притушена угольной крошкой. Цин Янь спокойно проспал большую часть дня.

Когда он наконец проснулся ближе к вечеру и попытался поднять руку, все тело напомнило о себе тянущей болью. Даже кожа казалась болезненно чувствительной, словно ее слегка обгрызли.

На ужин Цин Янь приготовил что-то простое, а Цю Хэнянь вернулся домой к закату с пустыми руками.

Цин Янь с сарказмом поддел его:

— Видишь? Вот что бывает, когда развлечения становятся важнее дела.

Цю Хэнянь с улыбкой ущипнул его за щеку. Цин Янь моментально закрыл ворот своей одежды, предупредительно произнеся:

— Больше не позволю!

Но спустя некоторое время его щеки порозовели, и он сам уселся к Цю Хэняню на колени, шепча что-то на ухо.

— Что случилось? — Цю Хэнянь обнял его за талию и тихо спросил.

Цин Янь, понизив голос, смущенно объяснил ситуацию и завершил обвинением:

— Это все из-за тебя.

Глаза Цю Хэняня потеплели, он нежно поцеловал его в лоб, позволив Цин Яню удобно устроиться на его плече. Аккуратно покачивая его на своих коленях, он успокаивающе произнес:

— Через пару дней все пройдет. Эти дни я не буду тебя трогать.

□□.....

В следующие дни Цю Хэнянь продолжал ходить на охоту, а Цин Янь, оставаясь поблизости дома, собирал ягоды и грибы. Каждый день он возвращался с хорошим уловом трав.

В последний день на горе они вдвоем отправились к озеру. Пробив во льду отверстия, они натянули сеть и выловили несколько рыб. Затем осмотрели капканы, которые поставили на зайцев, и с радостью вернулись с пятью-шестью тушками.

Перед тем как спуститься с горы, они собрали все вещи, обработали добычу и пообедали. Взяв с собой А-Мяо, они отправились в путь, а Эр Си следовал за ними.

Хотя они провели на горе больше времени, чем обычно, по количеству добычи разница с прошлым годом была невелика — разве что зайцев оказалось больше. Но это их не беспокоило: если раньше охота была необходима для поддержания хозяйства и праздничного стола, то теперь, благодаря улучшившемуся благосостоянию, это больше напоминало отдых и развлечение.

Вернувшись в деревню, они по обычаю раздавали мясо соседям.

Семья Ван Саньяо и У Цюнян получили одну косулю и две рыбины. Тете Ли досталось два зайца и две рыбы. Половина косули и две рыбины предназначались охотнику Лю, но он взял только рыбу, отказавшись от мяса косули, поскольку чувствовал себя обязанным за то, что они помогли с ремонтом его теплой лежанки.

Последним был дом Шэнь Мина. Цин Янь принес туда двух зайцев и две рыбины. Сейчас он жил один, и этого ему хватило бы на несколько дней. Шэнь Мин, увидев, что его тоже не обошли вниманием, долго не мог сдержать слез и, провожая Цин Яня, пытался скрыть свои покрасневшие глаза.

Новогодний ужин в этом году отметили втроем — семьи Цин Яна, Ван Саньяо и тети Ли.

Цин Янь с Цю Хэнянем накрыли большой праздничный стол, гости принесли свои угощения. Все вместе они провели вечер, поддерживая традицию бодрствовать в канун Нового года.

Цин Янь играл в карты, болтал и пил чай с тетей Ли и У Цюнян. Ван Саньяо с сыном Няньшэном и Цю Хэнянь вышли во двор запускать фейерверки.

Угощаясь сладостями, У Цюнян подала Цин Яню кусочек засахаренного фрукта:

— Попробуй, второй зять, это очень вкусно.

Цин Янь взял цукат, откусил кусочек, но внезапно почувствовал тошноту. Он поспешно надел обувь и выбежал в другую комнату, где согнулся над очагом и вырвал съеденные недавно пельмени.

Тетя Ли поддерживала его, похлопывая по спине. У Цюнян, бледнея от волнения, бросилась во двор звать Цю Хэняня.

Цю Хэнянь вошел в дом, быстро подхватил ослабевшего Цин Яня на руки, усадил и принялся протягивать ему воду для полоскания и влажное полотенце, чтобы освежить лицо.

Тетя Ли внимательно смотрела на Цин Яня, а У Цюнян, наконец, уловив суть происходящего, воскликнула:

— Боже мой! Второй зять, ты, кажется, ждешь ребенка!

<http://bllate.org/book/13590/1205224>